

Страхов Николай Николаевич (16 (28) октября 1828, Белгород, Курская губерния, Российская империя – 24 января (5 февраля) 1896) – русский философ-славяновед, публицист, литературный критик, член-корреспондент Петербургской АН (1889). Действительный статский советник. В сочинениях «Мир как целое» (1872), «Борьба с Западом в нашей литературе» (1883), «О вечных истинах» (1887), «Философские очерки» (1895) высшей формой познания считал религию, критиковал современный материализм, а также спиритизм; в публицистике разделял идеи почвенничества. Автор статей о Л.Н. Толстом; первый биограф Ф.М. Достоевского.

Активный сотрудник неославянофильских журналов «Время», «Эпоха», «Заря», Н.Н. Страхов отстаивал в них идею «русской самобытности» и монархии, подвергал критике либеральные и нигилистические воззрения, высказывал свое враждебное отношение к западу. Вместе с тем Страхов был видным философом-идеалистом, стремившимся истолковать науку в пантеистическом духе и построить систему «рационального естествознания», основанную на религиозно-мистическом понимании культуры.

Главный объект философской полемики Страхова – борьба с западноевропейским рационализмом, для которого он изобрел термин «просвещенство». Под просвещенством

Страхов понимает веру во всецелое человеческое рассудка и преклонение, доходящее до идолопоклонства, перед достижениями и выводами естественных наук (sic!).

Небольшой трактат «О времени», предлагаемый читателям «Вестника ВНЦ», является первой главой работы Н.Н. Страхова «О времени, числе и пространстве» и представляет собой замечательный образец формальной логики, обеспеченной оригинальными образными аналогиями. Главной оппозицией для нас (Ред.) выступают здесь не время и вечность, а также не созерцание и мышление, а именно несколько неожиданная и неприятная сознанию дилемма между мышлением и вечностью, которые, очевидно, у Страхова несовместимы.

Работа осталась незаконченной и была опубликована посмертно в журнале «Русский Вестник» (1897, № 1,2). Данная публикация выполнена по книге: Н.Н. Страхов. Философские очерки. 2-е изд. Киев, 1906. С. 405–414.

О ВРЕМЕНИ

1. ПРОСТРАНСТВЕННОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ ВРЕМЕНИ

Легко предположить, что время есть, может быть, нечто единственное в своем роде; в таком случае, говоря о нем словами общими, т. е. обозначающими и какие-нибудь другие представления, мы будем делать постоянную ошибку. Чтобы исправлять эту ошибку, нужно помнить, что все наши выражения могут, таким образом, иметь переносный, не собственный смысл, и нужно стараться отличить от этого смысла тот, который действительно принадлежит времени.

Время может быть изображено и обыкновенно изображается *прямою линией*. Например, прямая линия определенной величины, разделенная на семь частей, может изображать неделю, состоящую из семи суток.

Все свойства прямой линии соответствуют некоторым свойствам времени. Так:

Предел линии есть *точка*, не имеющая никаких размеров. Предел времени есть мгновение, не имеющее никакой величины.

Между двумя точками возможна только одна прямая линия. Так и время между двумя мгновениями может быть только одно.

Каждая часть прямой линии подобна целой линии. Так и части времени все между собою подобны.

Прямая линия может быть продолжаема до бесконечности в обе стороны. Так и время простирается бесконечно в ту и в другую сторону.

Но кроме этих свойств, вполне соответствующих свойствам прямой линии, время представляет особые свойства, только отчасти изображаемые пространственно.

На бесконечном протяжении времени существует точка (мгновение), разделяющая эту прямую линию на две части или две бесконечные (в одну сторону) линии. Эта особенная точка, которую можно назвать *центром* времени, есть *настоящее мгновение*, или, как обыкновенно говорят, *настоящее время*. Если назначим эту точку на линии времени, то протяжение линии по одну сторону этой точки будет изображать нам *прошедшее время*, а по другую *будущее время*.

При этом совершенно все равно, какую сторону взять для прошедшего и какую для будущего, так как обе линии одинаковы, а настоящее есть точка, т. е. не имеет никаких сторон.

Вследствие того, что время имеет определенную точку настоящего, каждое мгновение времени получает совершенную определенность, именно, его положение определяется тем, на какой стороне от центра оно находится и в каком от него расстоянии.

Очевидно, однако, все эти и подобные определения не дают нам действительного смысла настоящего, прошедшего и будущего. Следовательно, пространственное изображение времени не вполне соответствует изображаемому, то есть представляет или неполноту, или избыток. Мы дальше увидим, что скорее нужно признать здесь избыток.

2. ВРЕМЯ ПО ОТНОШЕНИЮ К БЫТИЮ

Бытие и мышление суть превосходные понятия, то есть такие, что как бы высоко мы ни подымались в нашем отвлечении и обобщении, мы не можем обойтись без этих понятий. Вот почему Декартовское: «*cogito ergo sum*», – *мыслю, следовательно, существую*, – совмещающее в себе оба эти понятия, составляет такое прекрасное начало философствования [1]. В каких же отношениях находится к этим понятиям время?

По отношению к бытию есть некоторое существенное различие между настоящим, прошедшим и будущим.

Настоящее существует; *прошедшее и будущее* не существуют (именно, прошедшее уже не существует, а будущее *еще* не существует). Различие это совершенно строгое, математическое; существует только мгновение настоящего, и только что протекшая минута точно так же не существует, как и отдаленнейшее прошлое.

А так как мы ничего не можем признать существующим вне времени, то и *все* существующее должно заключаться в настоящем, или: только то существует, что содержится в настоящем, что существует в настоящее мгновение.

Но настоящее есть точка, не имеющая ни частей, ни сторон; следовательно, оно совершенно одинаково для всего существующего. Все существа, мыслящие и не мыслящие, имеют одно и то же настоящее. Для Бога и ангелов, для бесконечно далеких и недоступных миров мгновение настоящего то же самое, как и для меня.

Таким образом, на первом шаге познания получается неразрывный узел, связывающий мое мышление с бытием, и меня, мыслящего, со всем существующим. Время содержит в себе объединение всего существующего, представление его в одной точке.

Вместе с тем здесь обнаруживается очень явное внутреннее противоречие. Все существует только в настоящем; но настоящее есть мгновение, а в мгновении ничто не может существовать, следовательно, в строгом смысле ничто не существует.

К этой мысли о ничтожности бытия очень близко то рассуждение, которое любили повторять стоики: «Не бойся смерти, – говорили они. – Ведь прошедшее и будущее не существуют, следовательно, когда бы ты ни умер, ты всегда теряешь только ничтожное мгновение настоящего» [2].

Действительно, бытие не существует в строгом смысле этого слова; бытие беспрестанно *возникает* и беспрестанно *исчезает*; оно возникает из будущего и исчезает в прошедшем.

Чтобы точнее рассмотреть это противоречие и исследовать его источник и значение, нам придется опять обратиться к образам.

3. МЕХАНИЧЕСКОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ ВРЕМЕНИ

Если время у нас изображается прямою линией, на которой известная точка означает настоящее, то мы необходимо должны представлять себе далее, что расстояние между каждой точкой будущего и настоящим уменьшается, а расстояние между каждой точкою прошедшего и настоящим увеличивается; это уменьшение и увеличение равны между собою и для всех точек одинаковы.

Таким способом мы изображаем себе различие между прошедшим и будущим. Настоящее не подлежит никаким переменам, всегда остается точкою. В прошедшем же и будущем положение точек относительно настоящего изменяется, в одном – в одну сторону, а в другом – в другую, противоположную.

Эти отношения могут быть изображены (и обыкновенно изображаются) в виде некоторого *прямолинейного равномерного движения*, притом одинаково хорошо следующими двумя способами:

1. Или можно представить себе все протяжение времени неподвижною прямою линией, а настоящее мгновение точкою, которая движется по этой линии по направлению к будущему.

2. Или же можно представить себе настоящее мгновение неподвижною точкою, а все протяжение времени прямою линией, проходящею через эту точку и движущеюся по направлению к прошедшему.

И то, и другое представление очень употребительны, хотя первое обыкновеннее. Первое есть *объективное*, потому что в нем мы и самих себя рассматриваем как часть существующего; тогда

мы говорим: *время уносит нас, мы близимся к смерти, идем на встречу неизвестного будущего* и т. д. Второе же представление субъективное, потому что в нем мы сами себя становим неподвижным центром существующего, и тогда мы употребляем выражения, имеющие обратный смысл: «молодость уходит от нас», «будущее близится», «приходит осень» и т. д.

Когда же мы просто говорим: *время идет, время движется*, то мы безразлично подразумеваем или то, или другое движение. Но если не будем строго различать одно изображение от другого, или упустим из виду, что это лишь образ, а не прямое выражение того, что такое время, то мы можем впасть в большие недоразумения. Так, Кант часто впадает в объективное представление; он говорит: «Время не протекает, а в нем протекает существование того, что изменяется. Само время неизменно и пребывает» (Die Zeit verläuft sich nicht, sondern in ihr verläuft sich das Daseyn des Wandelbaren. Die Zeit selbst unwandelbar und bleibend ist) {Kritik d. r. Vernunft. S. 182 (2-е изд.)}. Подобным образом выразился Паскаль: «Не время движется, а мы движемся во времени» [3].

Между тем неукротимое и непрерывное течение времени есть, конечно, его неотъемлемое свойство, входит в понятие о самой его сущности. Признать время неподвижным возможно только тогда, когда мы смешаем его с его изображением, *движением*. В самом деле, всякое движение действительно предполагает: 1) нечто неподвижное, напр. неподвижное пространство, и 2) течение времени. Только при этих предположениях мы и можем говорить о том, что предмет в разные времена находится в разных местах. Но время, взятое само по себе, не требует предположения чего-либо неподвижного; каждая точка времени определяется своим отношением только ко времени же, а не к чему другому.

Когда мы делаем пространственное изображение времени (в виде прямой линии и проч.), то мы уже представляем, как будто прошедшее, настоящее и будущее существуют вместе, одновременно, что есть величайшая нелепость относительно времени. Если мы потом придаем движение точке настоящего, то вместе с тем должны признать неподвижными прошедшее и будущее. Но таким образом то, что вовсе не существует (прошедшее и будущее), мы обращаем во что-то неизменное и пребывающее, а то, что одно существует (настоящее), будет у нас определяться местом, которое оно занимает на линии этого несуществующего.

По-видимому, всего удобнее *субъективное* представление движения времени, — то, которое получается, когда мы настоящее делаем неподвижным и заставляем двигаться всю линию

времени (от будущего к прошедшему), подобно тому, как река течет мимо человека, стоящего на берегу. Но в таком представлении мы слишком выделяем настоящее из потока времени. Между тем настоящее постоянно порождается будущим и поглощается прошедшим. Оно есть их постоянный предел, а не какая-то независимая от них точка, взятая где угодно на неподвижном берегу.

Впрочем, какое бы мы представление ни выбрали, мы вообще, как только начинаем говорить о *движении времени*, уже удвоим самое представление времени. Возьмем, например, выражение Ньютона: *время течет равномерно* (tempus aequabiliter fluit) {Princ. mathem. Definitiones schol. [4]}. В прямых словах это положение значит: *в равные времена проходят равные времена*, что, конечно, верно, но составляет простую тавтологию.

4. ОТНОШЕНИЕ МЕЖДУ ВРЕМЕНЕМ И МЫШЛЕНИЕМ

Непосредственное или созерцательное (опытное) познание каких бы то ни было предметов может совершаться только тогда, когда эти предметы существуют. Но все существует только в мгновении настоящего. Следовательно, наше созерцание всегда дает нам только познание некоторого мгновенного существования. Оно не может дать нам ничего больше той картины, которая является нам, когда в совершенной тьме все окружающее вдруг осветится на одно мгновение электрической искрой и потом снова погрузится в совершенную тьму. Тогда, как известно, движущиеся предметы являются нам только в одном своем положении, следовательно, без движения, и вообще все изменяющееся является лишь в одном своем состоянии, следовательно, не обнаруживает в себе изменения. Притом все тотчас исчезает, то есть является существующим лишь одно мгновение. Так точно, если бы наше познание ограничивалось одним созерцанием, мы не имели бы никаких восприятий чего-либо пребывающего или совершающегося, а имели бы лишь одну мгновенную картину, именно ту, которая соответствует взятому мгновению созерцания.

Если дело происходит иначе, то это зависит уже не от существования предметов, а от нас, именно от того, что кроме *созерцания* настоящего, мы действуем еще *памятью* о прошедшем. Сущность памяти состоит в том, что она делает существующим для нас, находящимся налицо перед нами то, что уже не существует в действительности. Вследствие этого *для нас* прошедшее не исчезает. С другой стороны, при всяком созерцании мы тотчас предполагаем бытие созерцаемого *в будущем*, и даже ничем не ограничиваем

этого будущего, простираем его до бесконечности. Будущее, неопределенное и пустое, постоянно готово в нашей мысли для всякого созерцаемого бытия.

Таким образом происходит, что в нераздельное мгновение настоящего мы имеем перед собою не только это мгновение, но и мгновения предыдущие и последующие, и так как в действительности прошедшее, настоящее и будущее никак не могут быть вместе, то мы должны приписать эту совместность уже не созерцанию, а некоторой нашей деятельности, примешивающейся к созерцанию и выводящей нас за пределы действительности. Такую деятельность мы вообще называем *мышлением* и приписываем ее *уму, духу*. Она неизбежно сопровождает всякое непосредственное познание, так что мы обыкновенно принимаем ее действия за самое созерцание. Но на основании предыдущего мы можем различать эти два элемента, входящие в состав непосредственного познания. Время, как мы видели, имеет две формы: 1) *время созерцательное*, которое ограничивается одним мгновением настоящего, и 2) *время мыслительное*, которое образует некоторую линию, состоящую из прошедшего, настоящего и будущего. В чистом созерцании нет ни прошедшего, ни будущего, а есть лишь одно настоящее. В чистом мышлении прошедшее и будущее имеют полное существование и настоящее есть точка их соединения. Можно сказать, что для мышления настоящее есть лишь точка, в которой линия времени пересекается созерцанием, совершающимся в каком-нибудь существе. Между тем для созерцания настоящее есть все, объемлет всякое бытие. Созерцать никому невозможно иначе, как в то самое мгновение, когда я созерцаю; и нет никакого бытия кроме того, которое существует во мгновение моего созерцания.

5. ВЕЧНОСТЬ

Созерцательное время мы признаем мгновенным только тогда, когда противопоставляем его *мыслительному* времени; потому что только в мыслительном времени перед нами является прошедшее и будущее, так что настоящее составляет лишь точку их разделения. Но в самом созерцании нет признака мгновенности; напротив, оно является как бы *пребывающим* настоящим, которое не считает своих мгновений и ничего не знает о своем начале и конце. Таким образом, в созерцании *отрицается время*. Это исчезание времени всем нам знакомо и большей или меньшей степени. Мы выражаем его, говоря, что наша мысль *тонет* в созерцаемом предмете, что мы бываем *погружены* в созерцание; превосходно изображается это состояние в рас-

сказе об отшельнике, который так заслушался пения чудесной птицы, что не заметил, как прошло сто лет.

Отрицание времени есть *вечность*. Давая этому слову такое значение, мы должны представлять себе вечность именно не в виде безграничного продолжения времени (что было бы не отрицанием времени, а его полным утверждением), а в виде *непреходящего настоящего*. Очевидно, мы тут стремимся выйти за пределы мышления и можно сказать, что в каждом созерцании мы оставляем область мыслимого и соприкасаемся с вечностью.

Мыслительное время есть самая простая форма мышления, и мышление необходимо налагает ее на все им познаваемое. Хотя вся действительность существует лишь в настоящем, но как скоро мы протянули линию времени, мы полагаем, что все действительное должно занимать какое-нибудь протяжение на этой линии. В строгом смысле *мгновенное существование невозможно*. Таким образом, в мыслительном времени значение настоящего понижается до полного ничтожества. Хотя ни прошедшее, ни будущее не существуют, но действительно существующим нам может явиться только то, что было и будет на некоторое время, следовательно, занимает некоторое место в несуществующем.

Таким образом, мы в нашем мышлении отрезаемся от действительности; если бы мы не умели этого делать, если бы настоящее мгновение нас поглощало, вполне нас связывало, то мы не могли бы ни мыслить, ни действовать. Когда, например, я достал нужную мне книгу и положил ее на стол, то я только тогда буду свободен в своих мыслях и действиях, когда представляю себе, что она неизменно существует на своем месте, что она будет там лежать и тогда, когда я не буду глядеть на нее. Точка настоящего, мгновение непосредственного созерцания не имеет уже для меня никакого значения, хотя в сущности я только тогда могу быть уверенным в присутствии книги, когда гляжу на нее, так что нелепо было бы быть уверенным, что пока я не глядел на нее, никто ее не уносил и не положил снова на место.

Так точно и во всех других случаях мышление стремится оторваться от настоящего и ищет всюду, как своей опоры, того, что имеет постоянство, что не подвержено изменчивости времени. Всему постоянному, пребывающему, мышление приписывает более существенности, чем преходящему, временному. Идеал мышления – бытие непреходящее, занимающее всю линию времени, т. е. вечное в обыкновенном, мыслительном значении этого слова. В сущности только такое бытие признается мышлением за истинно существующее. Так, физик признает вечные неиз-

менные частицы-атомы, богослов – неизменное, вечное Божество.

Вечность созерцательная и вечность мыслительная суть два различных представления. Одна есть всегдашнее настоящее и составляет как бы остановку течения времени; другая состоит из бесконечного прошедшего и бесконечного будущего, и представляет непрерывное и беспредельное течение времени.

Мышление приходит к полному отрицанию созерцания, когда истинно существующим признает лишь свое вечное, продолжающееся без конца. Созерцание приходит к полному отрица-

нию мышления, когда истинно существующим признает лишь настоящее, существующее налицо. Иногда из этого противоречия стараются выйти тем, что полагают вечность за пределами времени. Так, Жан-Поль Рихтер где-то говорит: «Я много жил на свете, случилось мне видеть разные места, но ни разу не довелось увидеть океан. Однако жалеть нечего: океан вечности я наверно увижу» [5].

Не странно ли подумать, что этот человек так долго созерцал мир своими умными и зоркими глазами, и ни разу не догадался, что видит перед собой именно волнующийся океан вечности!

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. работу Н. Н. Страхова «Об основных понятиях психологии», где он исходит из положения «я мыслю, следовательно, существую» при рассмотрении проблемы познания душевной жизни.

2. Ср. со словами одного из представителей древнеримского стоицизма, императора Марка Аврелия: «Срок человеческой жизни - точка» (Марк Аврелий Антоний. Размышления. Л.: Наука. 1985. С. 12)

3. «Критика чистого разума», с. 182. В русском переводе см.: Кант И. Сочинения в шести томах. Т. 3. М.: Мысль, 1964. С. 143.

Говоря о Паскале, Страхов, по-видимому, перифразирует его слова о том, что человеку «нужно пространство, которое его вместило бы, время, в котором ему длиться». См. Паскаль Б. Мысли. М., 1996. С. 135.

4. См. Ньютон И. Математические начала натуральной философии. М.: Наука, 1989. С. 30. Приведем полностью определение времени, на которое ссылается Стра-

хов: «Абсолютное, истинное математическое время само по себе и по самой своей сущности, без всякого отношения к чему-либо внешнему, протекает равномерно, и иначе называется длительностью. Относительное, кажущееся или обыденное время есть или точная, или изменчивая, постигаемая чувствами, внешняя, совершаемая при посредстве какого-либо движения, мера продолжительности, употребляемая в обыденной жизни вместо истинного математического времени, как то: час, день, месяц, год» (курсив Ньютона). Таким образом, очевидно, что Ньютон (в отличие от «релятивистов») ясно различал время как таковое и измерение времени.

5. Жан Поль (Jean Paul), псевдоним Иоганна Пауля Фридриха Рихтера (1763–1825), немецкого писателя и эстетика, одного из предшественников романтизма. См. в рус. переводе: Жан-Поль. Подготовительная школа эстетики. М.: Искусство, 1981.

ABOUT TIME N.N. Strakhov

Strakhov Nikolai (1828–1896) is a Russian philosopher-slavophile, literary critic, corresponding member of Petersburg Academy of Science (1889). Actual state councilor. He considered religion to be the highest form of cognition and criticized contemporary materialism as well as spiritualism; as a publicist he shared the ideas of soil-bound tradition. The author of articles about L.N. Tolstoj; the first biographer of F.M. Dostoevsky.

The small tractate "About time", suggested to the readers of "Vestnic of VNC" is the first chapter of N.N. Strakhov's work "About time, number and space". The work has not been accomplished and was published in the magazine "Russki Vestnik" postmortem (1897, № 1–2)